

MINI.CITID

О ПОЭТАХ ЭПОХИ СКОРБИ

Бауыржан ОМАРУЛЫ, член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук, профессор

В советскую эпоху, когда существовал идеологический контроль над литературой и искусством, произведениям поэтов литературного течения «зар заман» не уделялось должного внимания. Постановление Центрального Комитета Компартии Казахстана от 21 января 1947 года «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР» на долгие годы скрыло в архивах уникальные произведения, являющиеся духовным достоянием казахского народа.

Вот выдержка из этого постановления: «В целом, представители литературы прошлого периода представляются как общественные деятели, а их творчество анализируется вне связи с классовой борьбой. Как следствие, феодальные, реакционные, буржуазно-националистические мотивы их произведений остались завуалированными (Базар, Мурат, Шортанбай, Шангерей, О. Карашев, С. Торайгыров и другие поэты)» [1], и стали поводом для более взискательного, отличающегося особой политической пристрастностью исследования каждой строки поэтического наследия вышеперечисленных акынов. Естественно, что после выхода данного постановления, стихи этих поэтов вовсе перестали публиковать, их произведения были исключены из школьной программы. Учебники, которые были переписаны после появления вышеупомянутого Постановления, попали в руки молодого поколения в сокращённом виде. Отдельные произведения дошли до последующего поколения куцыми, исковерканными, не дающими полного представления о своеобразии творчества этих акынов. Словом, как в одном казахском выражении, если перевести его дословно, творчество этих поэтов дошло до нас «с отрезанным ухом и отрезанным носом». «Шортанбай, Дулат, Мурат изображались отъявленными врагами, а их творчество представлялось как темное пятно на репутации казахской литературы» [2, 86], – заключение, сделанное Т. Какишевым, как нельзя лучше передает атмосферу того времени. Выход другого важного документа ЦК Компартии Казахстана от 8 июля 1957 года «О состоянии и мерах по улучшению изучения и критического использования литературно-поэтического и музыкального наследия казахского народа», вселил надежду, воодушевил казахскую общественность, подавленную предыдущим постановлением. Указанный документ, поставивший конкретные цели, стал ответом на многие вопросы, волновавшие людей. В нем были даны распоряжения соответствующим органам о публикации сборников айтысов, пословиц-поговорок, об исправлении

первого тома Истории казахской литературы, посвященного фольклору, а также о подготовке Истории казахской литературы XVIII–XIX веков. Приведенные далее слова стали руководящим принципом для литературоведов того времени: «Некоторые ученые, писатели и другие творческие работники Казахстана до последнего времени в оценке культурного наследия прошлого допускают серьезные ошибки, односторонне восхваляя творчество дореволюционных поэтов и сказителей или всячески критикуя достижения культуры прошлой эпохи, не учитывая их классовую и политическую приверженность» [3]. Несмотря на то, что постановление требовало рассмотрения произведений с точки зрения идеологии того времени, его нельзя недооценивать. Данное постановление дало возможность собрать все, что было, объединив разрозненные факты культурного достояния казахского народа. Тем не менее, особая осторожность, страх перед властью не позволяли писать обо всем открыто. Поводом для написания этой статьи послужило значимое событие – научно-теоретическая конференция, состоявшаяся 15-19 июня 1959 года в Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР, на которой произведения поэтов «зар заман» (эпохи скорби) обсуждались с точки зрения их идейной направленности. При этом не определялись место, значение и роль творчества этих поэтов в истории литературы; не было дано должной оценки художественным особенностям их поэзии, а также взглядам представителей «зар заман» на происходившие в обществе события. Конференция была нацелена лишь на отрицание, неприятие их мировоззрения. Как известно, в то время было принято делить казахскую литературу на прогрессивное и консервативное направления. Что касается поэзии представителей зар заман, то она абсолютно не соответствовала критериям прогрессивного направления. По этой причине подвергалась критике многими исследователями, сознание которых было ограничено господствующей идеологией. На этой научно-теоретической конференции почти не упоминались выражения «поэты зар заман», «поэзия зар заман», «течение зар заман». Зато звучали слова «консервативное», «реакционное течение». Эта ситуация вполне понятна. Среди тех, кто не поддерживают прогрессивные идеи, были не только представители зар заман. Поэзия некоторых из них носила религиозно-мистический характер. Справедливости ради необходимо отметить, что некоторые участники конференции высказывали положительное мнение по поводу поэтических произведений Дулата, Бухара, Шортанбая, Мурата и пытались дать им разумную оценку. Но эти попытки остались в тени навязанной идеологическим вмешательством однобокой оценки литературного наследия казахского народа. Сначала прозвучали обвинения в адрес тех, кто в своих предыдущих исследованиях не подверг критике Дулата, Шортанбая, Мурата. Затем критики обрушились на произведения названных поэтов. Ныне, когда

изменилось общество и сменилась целая эпоха, будет правильным обсудить причины критики, проанализировать мнения, высказанные на этой конференции. Например, член-корреспондент Академии наук Е. Исмаилов в своем докладе высказал следующее мнение об основных задачах казахского литературоведения: «Элементы демократической прогрессивной культуры в казахской литературе наблюдаются в поэзии реалистического направления. А стихи поэтов псевдоромантического направления и консервативного мистицизма (Мурат, Абубакир, Базар, Шангерей и др.), а также поэзия книжно-религиозных поэтов далеки от реалистических традиций, поэтому они не могли художественно изобразить жизнь общества. Они лишь выражали разочарование жизнью, воспевали уходящую эпоху феодализма, а также древние легенды. Следовательно, противоположное реализму литературное течение явилось источником появления элементов культуры, соотносящихся к целям правящей верхушки казахского общества того времени» [4, 29]. Следует обратить внимание на словосочетание «литературное течение», которое использует Е. Исмаилов для уточнения слов «противоположный реализму». В этой связи прозвучавшее несколькими годами ранее обоснование М. Ауэзова соотнести на основе литературных принципов творчество вышеназванных поэтов с течением «зар заман», хоть и было сказано в негативном значении, но все-таки имело место в выступлении Е. Исмаилова. То, что поэзия «зар заман» созвучна с романтизмом – очевидно. Поэтому «псевдоромантизм», по Е. Исмаилову, определяет регресс с позиции современных взглядов, то есть это регрессивный романтизм или поиск романтизма в прошлом. Во времена, когда могли назвать националистом лишь за то, что гордишься своим народом, не вызывает удивления то, что на научно-практической конференции звучало больше отрицательных мнений. «Если опираться на факты истории казахской литературы, то такие поэты как Мурат, Абубакир, Шангерей, которые не смогли избавиться от морали старой религиозной мистики, взглядов, сформировавшихся в эпоху феодализма, не смогли показать истинное положение своей эпохи с точки зрения реализма. Они писали свои произведения в духе консерватизма, противопоставляемом прогрессивному течению, у истоков которого стояли Абай и Алтынсарин. В произведениях некоторых из них (например, Шортанбая) описывается бросающаяся поэту в глаза правда жизни, а именно тяжелый быт народа, тяготы колониального гнета. У этих акынов не было возможности не видеть происходящего, не описывать происходящее, они писали об этом от безысходности. Ясно прослеживается стремление авторов отразить через призму своего мировоззрения истинную картину той эпохи» [4, 27], – данное мнение стало самым важным в докладе Е. Исмаилова. Если смотреть на проблему с позиции сегодняшнего времени, то стихи

Дулата и Мурата, Шортанбая и Абубакира отличаются точностью воспроизведения эпохи. Не из-за отсутствия возможности описывать, а сознательно таясь в силу политических условий того времени, ученые вынуждены были скрывать размышления мастеров художественного слова. В противном случае, было бы неправильным говорить, что все написанное здесь было четкой позицией ученого, которого осудили за его стремление к глубокому изучению национального наследия. На самом деле «в ряде литературоведческих работ, написанных в конце 30-х – начале 40-х годов, Бухар жырау и Махамбет, Шортанбай и Алтынсарин, Абай и Мурат, Султанмахмут и Шангерей, Донентаев и Омар Карашев – все они были представлены как просветители, демократы, критические реалисты, даже делались попытки возвеличить их как народных поэтов» [4, 38], – таким образом, Е. Исмаилов, критиковавший на этой конференции поэтов «зар заман», позже по истечении нескольких лет по достоинству оценил их творчество. Если проанализировать мнение Исаака Дуйсенбаева, прозвучавшее на этой же научной конференции, то можно многое понять. Как известно, ни одному литературоведу не удавалось оставаться в стороне от политической конъюнктуры в обществе. Отдельные выводы этого литературоведа о наследии вышеперечисленных поэтов-сказителей были сделаны из конъюнктурных соображений. По этой причине он назвал поэтов Шортанбая, Дулата, Мурата, Абубакира Кердери, Бухара жырау «людьми, испугавшимися изменений в социальной жизни казахского общества второй половины XIX века и в целях защиты от царской колонизации не принявшими великую культуру русского народа, а где-то даже выступавших против нее» [4, 113]. Позже ученый, всесторонне изучив наследие поэтов того времени, опубликовал достойные труды о Дулате, Мурате и других авторах, изображавших в своих стихах реалии эпохи, в которой они жили [5]. В своем докладе на конференции он призвал вдумчиво изучать произведения вышеназванных поэтов. Он же, хоть и завуалированно, призвал искать не связь их наследия с политикой, а обратить внимание на силу их поэтического слова, на стиль их художественных произведений. Таким образом выразил свое несогласие по поводу традиционных приемов и методов исследования истории литературы того времени. «Обычно, когда дается оценка произведению одного автора, всегда звучат два диаметрально противоположных мнения: или увековечить имя поэта в истории как прогрессивного деятеля, выражающего мнение народа, или вычеркнуть из истории как консервативного, реакционного поэта феодализма. Мы считаем, что заслуженного деятеля культуры, если он таковым является, нельзя просто взять и вычеркнуть из истории как реакционного, как поэт он должен быть в определенной степени по достоинству оценен и изучен» [4, 113], – именно в таком контексте мы должны понимать его слова. Это было мнение, высказанное в связи с

оценкой произведений таких поэтов, как Шортанбай, Дулат, Мурат, Абубакир Кердери. И. Дуйсенбаев, учитывая, что идеи произведений этих поэтов идут вразрез интересам других народов, в качестве аргумента использовал известный принцип вождя пролетариата. Он предложил: «Произведения таких поэтов, как Шортанбай, Дулат, Мурат, Абубакир Кердери... включать только в программы высших учебных заведений или в сборники для специалистов, изучающих историю литературы» [4, 123]. Подобного предложения было достаточно для исключения произведений поэтов «зар заман» из школьных учебников. Однако при этом следует отметить, что многие ученые, в том числе и Дуйсенбаев, настойчиво требовали изучения произведений этих поэтов в высших учебных заведениях. На конференции звучали и мнения, которые можно назвать безликими и удобными для всех и вся в любое время и в любой ситуации. К числу тех, кто старался и не восхвалять произведения вышеназванных поэтов и не критиковать чрезмерно, был М. Хасенов. На этой памятной научно-теоретической конференции решалась судьба поэтов эпохи скорби. Но при этом ученые-исследователи рассматривали обсуждаемые произведения с точки зрения политической ситуации своего времени. А взгляды Дулата, Мурата, Шортанбая не совпадали с их точкой зрения. Эта позиция отражается также в выступлении члена-корреспондента Академии наук М. Сильченко. Его доклад был посвящен основным направлениям казахской литературы 80-90 годов XIX века: «Прямая идейная связь творчества Мурата с поэзией Шортанбая и общность их наиболее характерных речевых оборотов («Зар заман», «Тар заман» Шортанбая, «Сұм заман» Мурата) позволяют говорить о продолжающейся тенденции, в основном, реакционной, охранительной и противоборствующей с просветителями» [4, 125]. М. Сильченко – литературовед, написавший ценный труд о творческой биографии Абая, и достаточно ясно дающий представление о мнении великого Абая о Шортанбае, Дулате, Бухаре; о мотивах появления течений «зар заман», «сұм заман»; о событиях, ставших бедствиями для казахов. Когда он анализирует стихи поэтов, выступивших против требований Временного положения об управлении степными областями 1868 года, свои размышления он строит, опираясь на реалии и изменения в кочевой жизни казахов [6, 23]. Спустя два года М. Сильченко, заново проанализировавший идейные взгляды, мировоззрение поэтов «зар заман», предлагает рассматривать их произведения не однобоко; говорит о том, что этим произведениям необходимо дать всестороннюю оценку, а также изучать народный характер их поэзии с позиции реализма. Однако он осуждает взгляды поэтов: «Какие же у нас, у марксистов-литературоведов, основания говорить о народности, художественности, непреходящем значении Мурата или Шортанбая? Порою ссылаются на время, на то что эти певцы – продукт своей эпохи,

что они не могли овладеть передовым мировоззрением и т.п. Все это лишь констатация факта, а не объяснение его. Мурат – современник Алтынсарина и Абая. Мурат – очевидец не только того отрицательного, что действительно вошло в казахскую жизнь с присоединением к России, но и того нового, что пробуждалось в народе: стремления к личной свободе, знанию, борьбе. Одно он увидел, на другое закрыл глаза. Поэт же, который не видит передовых явлений современности, зовет к прошлому, отсталому, не может быть ни народным поэтом, ни реалистом?» [4, 126]. Выступавшие на конференции то отмечали «отдельные стороны» произведений поэтов той эпохи, то резко критиковали их. Исследователи противопоставили поэтам «консервативного направления» великого Абая. Для оценки и сравнения противоречий в их наследии были использованы стихи Абая. Порой подобные мнения выходили за рамки понятий классовых определений и идейного отрицания. Критики отрицали художественные достоинства произведений акынов-сказителей. Многие литературоведы в качестве неоспоримого факта критической оценки стали использовать эстетические принципы поэзии самого Абая, который подверг критике этих своеобразных поэтов... В общем, подобные критики сосредоточились на том, чтобы умалить достоинства поэтов «зар заман», отделяя и отдаляя их от Абая. Ярким подтверждением этому является следующее мнение, высказанное на конференции: «Нам приходится слышать возражения, что, дескать, под эти понятия можно подвести, скажем, и Мурата и Базара, и других современников Абая. Но ведь они только современники великого поэта, по своему же идейному и художественному уровню их поэзия – пройденный этап, в лучшем случае – эпигонство» [4, 129]. На конференции чаще всех звучало имя поэта Шортанбая. Все выводы, связанные с понятием религиозности, основывались на его произведениях. При перечислении представителей консервативного направления, также первым называли его имя. Так как критика великим Абаем этих акынов начинается с Шортанбая словами «одно их слово – заплатка, другое – лоскут», ученые-литературоведы на конференции особенно рьяно выступали именно против этого поэта. Подверглись критике не только произведения Шортанбая, но и труды исследователей его творчества. На этой конференции звучали разные негативные мнения и о творчестве поэта Дулата. Имя поэта Мурата как представителя консервативного направления повторялось неоднократно, хотя в отдельных докладах отмечались языковые особенности его стихотворений. Дополнительных докладов о творчестве Абубакира и Мурата не было. Больше внимания было уделено идейному отрицанию их поэтического мировосприятия. В резолюции конференции творчество Мурата и Дулата было проанализировано вместе: «По идейно-эстетическим формам творчество Дулата Бабатаева, хоть и близко Шортанбаю, но по

правдивости и критическому изображению противоречий социальной жизни первой половины XIX века они различаются. Его творчество еще должно быть критически переосмыслено. Произведения представителя данного направления Мурата Монкина ближе к традициям эпоса, к тому же они имеют свои характерные особенности; в этой связи его творчество необходимо еще критически оценить и подвергнуть глубокому анализу. Творчество Дулата и Мурата должно рассматриваться в программе высшей школы с целью характеристики сложности историко-литературного процесса того периода, чтобы продемонстрировать, в каких противоречивых условиях развивалась литература. Учитывая особенности общеобразовательных школ, считаем, что нет необходимости изучать творчество этих поэтов в средней школе» [4, 372]. Организаторы конференции также посчитали, что произведения поэтов религиозного направления – Абубакира Кердери, Нуржана Наушабаева не следует включать в программу средней школы. Было рекомендовано изучать их произведения только в высших учебных заведениях. Вот почему поколения школьников выросли, толком не зная произведений этих замечательных поэтов. Знать Абая и не знать Дулата, учить наизусть стихи Махамбета и возводить клевету на Мурата, восхвалять Бухара и отвергать Шортанбая, понимать Ибрая, но не понимать Абубакира, стремиться к Джамбулу, но не воспринимать Албана Асана – всё это противоречивые белые пятна истории казахской литературы. По итогам анализа опубликованных материалов научно-практической конференции, состоявшейся шестьдесят лет назад, можно сделать ряд выводов. Во-первых, на этой встрече, несмотря на требования того времени подходить ко всему с идейной точки зрения, произведения поэтов литературного течения «зар заман» все-таки были критически оценены. Во-вторых, ученые, хотя и вынуждены были осуждать творчество поэтов течения «зар заман» в связи с политическими и идеологическими установками того времени, все же предпринимали попытки защитить национальное достояние. Все хорошо понимали, что утрата этого литературного наследия серьезно отразится на истории казахской литературы. В-третьих, несмотря на страх перед карающим мечом власти, конференция четко определила позиции ученых. В выступлениях можно проследить тревогу и подспудное желание сохранить народное достояние. В-четвертых, необходимо подчеркнуть, что при всей односторонности и категоричности решений этой конференции, неоднократно повторявшиеся критиками имена поэтов литературного течения «зар заман» позволили настоящим ученым определить объекты своих будущих исследований. Представляется закономерным то, что возрастает интерес общества к поэтам, чьи произведения запрещаются, и к тем, кто находится в центре ожесточенных дискуссий. В-пятых, несмотря на то, что на этой

конференции литературное наследие казахского народа являлось предметом жесткого критического обсуждения участников, находившихся под давлением партийно-политической системы, данный форум необходимо рассматривать как историческое событие, позволившее выявить проблемы казахской литературы. Кроме того, важно помнить, что и организаторы, и выступавшие были теми людьми, кто создавал историю казахской литературы. Исторический документ, позволивший вернуть поэтическое наследие, долгое время находившиеся под запретом, вышел в свет в 1989 году. «При изучении дореволюционной истории казахской литературы необходимо с диалектической позиции показать ее важные особенности, изучать творчество художников слова прошлого с учетом противоречивых закономерностей истории, непосредственно в процессе истории. Творческое наследие Шортанбая, Дулата, Бухар жырау, Мурата требует именно такого подхода в изучении» [7] – эти строки из «Заключения Комиссии Центрального Комитета Компартии Казахстана об изучении постановлений, принятых в период 30-40-х и в начале 50-х годов по вопросам литературы и искусства». После публикации этого важного заключения стало возможным изучение тем, находившихся под запретом. Произведения поэтов, о которых идет речь в этой статье, стали объектом научно-исследовательских работ. Поэзия «эпохи скорби» – «зар заман» была рассмотрена под новым углом зрения. Белые пятна на страницах истории казахской литературы устранены. Бесценное наследие поэтов течения «зар заман» возвращено в золотой фонд нашей духовной культуры. Ответ на критику, прозвучавшую на научно-теоретической конференции 60 лет назад в 1959 году, можно найти в стихах самого Мурата Монкеулы: «Бәйіт еттім бұ сөзді, Қайғы шегіп заманнан. Заман азып не қылсын, Ай орнынан туады, Күн орнынан шығады, Мұның бәрі адамнан» («Посвящаю эти слова, Скорбя от тягот эпохи. Что эпохе терять, и Луна вновь возродится, и Солнце снова взойдет, Все это от человека»). Действительно, все что прозвучало на этой конференции, это сказано человеком. Эпоха его обязала так говорить. И когда сменилась эпоха, стихи Мурата вновь засверкали и вернулись в нашу духовную сокровищницу. Когда-то Мурат Монкеулы произнес такие слова: «Заманнан заман оралған, Дүние шіркін соны алған» – «Эпоха из эпохи вернулась, и мир этот вновь её обрёл». Слова эти подтверждение тому, что акын Мурат был непревзойденным мастером слова и великим мыслителем.

1. Постановление Центрального Комитета Компартии Казахстана от 21 января 1947 года «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР». «Социалистік Қазақстан», 1 февраля 1947 года.
2. Какишев Т. Санадағы жаралар. Алматы: «Қазақстан», 1992, 264 с.
3. Постановление Центрального Комитета Компартии Казахстана от 8 июля 1957 года «О состоянии и мерах по улучшению изучения и критического использования литературно-поэтического и музыкального наследия казахского народа». «Қазақ әдебиеті», 26 июля 1957 года.
4. Әдеби мұра және оны зерттеу. Алматы: Издательство АН Казахской ССР, 1961, 376 с.
5. Дүйсенбаев Ы. Ғасырлар сыры. Алматы: «Жазушы», 1970, 192 с.
6. Сильченко М. Творческая биография Абая. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1957, 294 с.
7. Заключение комиссии Центрального Комитета Компартии Казахстана по изучению постановлений, принятых в период 30-40-х годов и в начале 50-х годов, по вопросам литературы и искусства. «Социалистік Қазақстан», 9 декабря 1989 года.